

По следам поэтов «серебряного века»

Л. Н. Малюкова,

Доктор филологических наук, литературный критик

Немного найдется в России провинциальных городов, которые связаны с целой плеядой больших поэтов начала минувшего века. Кто только не побывал в дореволюционном Таганроге! Свой мимолетный след на его легендарной земле оставили Н. Гумилев и Ю. Балтрушайтис, А. Мариенгоф и С. Есенин, В. Маяковский и В. Хлебников, О. Мандельштам и И. Зданевич... Впрочем, список этот может быть весьма долгим, но ограничим его тремя особенно значительными для нас именами: К. Бальмонт, М. Волошин, С. Ггарнок. Об их пребывании в нашем городе мало что сохранилось: человеческая память не бездонна. В сокрушительных вихрях революции и гражданской войны затерялись многие ценности, стерлись и некоторые знаки поэтических событий. И все-таки над истинными ценностями время не властно: «рукописи не горят» - сгорают поэты, трагически ломаются их судьбы, дробятся жизни, испепеляются под ударами времени чуткие сердца. В итоге печальный конгломерат Ф. Тютчева «Былое было ли когда?» становится испытанием человеческой памяти - на излом. Но в панораме «серебряного века» она сохранила непривычное для русского уха краткословное слово.

Кто из читателей-интеллектуалов начала 900-х годов не знал этого имени? Кто не читал **К. Бальмонта**, не заучивал его чарующих поэтических строк: «Вечер. Взморье. Вздохи ветра. Величавый возглас волн...», «Полночной порою, в болотной глуши Чуть слышно, бесшумно шуршат камыши», «О, тихий Амстердам, с печальным перезвоном Старинных колоколен...». Точно в глубоком зеркале, они отразили необычайно оригинальный облик и самого автора, поставившего витиеватую подпись под ними: «Константин Бальмонт». В 1913 году Л. Пастернак изобразил его на полотне: в сюртуке с высоким воротником, неизменной широкополой шляпе, с гордо поднятой головой и чуть утомленным, но живым, независимым взглядом. Весь этот образ как будто говорил: вот я во всем объеме перед вами, открытый и загадочный, устремленный в бесконечность миров, в их таинственную непостижимость, красоту небес и безумный полет головокружительной бездны. Примите меня и полюбите. Таким, вероятно, поэт запомнился нашим землякам, когда 30 марта 1914 года ступил на таганрогскую землю. Этот город ранее ему не был знаком. Но многое в нем чувствовалось созвучным его крылатой душе. Он любил море, и оно открылось пред ним, широко, с трех необозримых сторон; его притягивали города, отмеченные суровым знаком древности, здесь же каждый камень был окрещен изменчивой судьбою далеких времен и неординарных эпох. Однако не щедрая экзотика влекла поэта в этот неведомый ему приморский город. В его планы входила одна из благороднейших задач: увековечить память своего собрата по перу - большого русского писателя А.П. Чехова. При жизни они не были близки - слишком полярными оказались их ощущения миров, но не признать в нем истинного художника К. Бальмонт не мог. Опережая пространство и время, он известил город о своем намерении выступить с лекцией о поэзии и весь сбор передать на сооружение памятника писателю.

Но была у К. Бальмонта и другая мечта: донести до российского читателя «таинство» своего музыкального стиха. Он только что вернулся из блистательного Парижа после девятилетнего путешествия по экзотическим странам Востока и далекой Америки: не случайно его называли самым дальностранствующим русским писателем. Но на этот раз его «странствия» оказались вынужденными: поэт покинул Россию в декабре 1905 года, в канун революции, опасаясь преследования за острополитические стихи «Песни мстителя», в

которых с очевидностью пророка предрек трагическую гибель императору Николаю II («Кто начал царствие Ходынккой, /Тот кончит, встав на эшафот»). И вот теперь, возвратившись после объявленной амнистии, он почувствовал необходимость восстановить распадавшиеся звенья между ним и российским читателем. Его путь лежал далее - в Ростов-на-Дону, Екатеринодар, Тифлис, Баку.

...Его ждали. В городе уже были развешены афиши, отпечатанные крупным планом в типографии К.Д. Чумаченко. Книжный магазин К. Василевского по улице Петровской рекламировал только что изданный модный роман А. Амфитеатрова «Дрогнувшая ночь», «Лекции по римскому праву» проф. Гримма и последнюю книгу стихов его, К. Бальмонта, - «Зарево зорь». В день приезда поэта в драматическом театре шла опера «Пиковая дама» с «несравненной» М. Маклецкой, труппа опереточных артистов в новом театре Е. Бондаренко давала спектакль по произведениям известного публициста Валентинова, «Таганрогский вестник» печатал рассказ петербургского скандального писателя М. Арцыбашева «Ревность»... Небольшой купеческий город жил в культурном ритме своего времени. Потому и лекция «Поэзия как волшебство», заявленная К. Бальмонтом, не могла не вызвать живой интерес у городской интеллигенции. Ее магические вопросы («Природа - изваянный стих, природа - внушающая музыка. Угадывания первобытных людей. Заклинания Египта, Вавилона, Мексики, Майя... Русские волхвы и малайские заклинатели музыкальных таинств отдельных звуков. Магия гласных и согласных...») таили в себе столько неизреченных загадок, а их притягательная сила была так велика, что пройти мимо - было невозможно. Но кто из городских жителей слушал лекцию поэта? Как читалась она и как слушалась? Об этом во всей достоверности мы уже, вероятно, никогда не узнаем. Однако сохранился общий резонанс от выступлений поэта, который, несомненно, отозвался и на таганрогской земле. Всегда и всюду он выступал блестяще и виртуозно, так, что каждый, кто слушал его, не мог не проникнуться эмоциональным поэтическим словом, ставшим для него и музыкой, и волшебством, и сакраментальной чудодейственной силой. Подобно чародею, К. Бальмонт плавно выбрасывал вперед обе руки, одновременно обращая взор к молчаливой космической безбрежности, - чуть покачиваясь, будто в тихую лунную ночь на утлой лодке прислушивался то к скрипу далеких одиноких уключин, то к таинственным шорохам поющих камышей, то к вселенскому безмолвию, в котором лишь одному ему было дано уловить вечное звучание небесных симфоний. Казалось, он заклинал пространство вокруг себя частыми повторами пленительных звуков, разыгрывая космическую партитуру: от щемящей печали до торжествующих озарений. Небесная твердь открывалась ему как воплощение неоспоримой красоты и благодати. «Будем как солнце!», «Восславим, братья, бледную Луну!», «Идите все на зов звезды!» - иступленно призывал поэт. Демократическая пресса остро злословила в его адрес: «Непонятно, куда зовет Бальмонт и к какую сторону нужно идти за ним читателю». Но он не вступал в открытую полемику, считая подобную критику по крайней мере несерьезной. Он был поэт, и казарменно-сияющий рай всеобщего счастья и благоденствия им воспринимался как «непростительная забава», - легкая раздача миссионерских пассов. С обескураживающей откровенностью он тогда дерзко бросал в бурлящую толпу: «Я ненавижу человечество. Я от него бегу спеша. Мое Единое Отечество - Моя пустынная душа». Но нельзя ненавидеть или любить все человечество. Ненависть, как и любовь, всегда конкретна. Несомненно, он это понимал. Потому с такой беззаветной и неотвратимой силой тянулся к миру, к человеческому общению.

Традиционный императив Ф. Достоевского «Красота спасет мир» К. Бальмонт поставил в центр своего творчества, интерпретируя его весьма своеобразно: через грусть и печаль русской природы, а от нее - к загадочной русской судьбе, что как раскаленная магма обожгла его жизнь и обнажила нервные струны души. Только истинный художник мог создать вот эти «болевые» поэтические строки:

Есть в русской природе усталая нежность,

Безмолвная боль затаенной печали.

Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,

*Холодная высь, уходящие дали.
...Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло.
И плачет, и плачет, и плачет невольно.*

Он очень любил эти стихи. И часто читал их на поэтических вечерах. Но читал ли на этот раз в родном городе собрата по перу? Вероятнее всего - да. Внезапное погружение после шумных столиц мира в атмосферу сравнительно тихого провинциального города с его бесконечными садами и скверами, среди которых неотступно блуждала легкая тень великого современника, располагало к этому.

Поэт остановился в самой престижной и комфортабельной гостинице «Европейская». Место было впечатляющее. Из окон хорошо видны и театр «Аполло» с роскошным городским парком, и драматический театр и библиотека, в одной из залов которой директор музе Андреев-Туркин в те дни впервые открыл знаменательную выставку, посвященную Чехову. О писателе помни и театр, да и сама гостиница, где в последний раз 15 лет назад он побывал. Весь город был напоен какой-то осе бой незнакомой поэту, пленительной аурой. От особняк Алфераки, гостеприимно открывшего ему двери для выступления, он пересек Николаевскую улицу и, пройдя Петровскую, спустился по Каменной лестнице. Был уж вечер. Горели тускло газовые фонари, отчего по всему городу разливалось туманное марево. По улицам мчались пролетки. Заливаясь, звенели бубенцы. Цокали копыт запряженных лошадей. По тротуарам шли нарядны женщины. И кто знает: может быть, вглядываясь в одну из них, поэт вспомнил в тот момент свою недавно разбитую любовь к очаровательной Майе Кудашевой. Море открылось ему легким свинцовым отливом. В памяти кружили поэтические строки. Не эти ли?

*Безглагольно глубокое дно
Без шурианья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно.
Мы забыли земные слова.
Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в море погиб.*

В Таганроге К. Бальмонт пробыл около двух дне оставив на память городу свою книгу стихов с дарственной надписью. Всему же Донскому краю посвятил стих творение «Скиф», в котором воссоздал образ блистательного воина, стремительно покорившего вольную степь и взявшего в полон черноокую византийскую красавицу княжну.

Потом он отбыл в Ростов-на-Дону. «Приазовский край» 2 апреля 1914 года сообщал как постфактум: «Вчера в шестом часу вечера редакцию «Приазовский края» посетил К. Бальмонт. Поэт очень интересовался техникой газетного дела». И тут же: «Вчера в 11 ч. 18 мин. вече Бальмонт уехал в Екатеринодар, где сегодня читает лекцию». Далее была революция, братоубийственная гражданская война и стремление примириться, но душа его так и не смирилась. Эмиграция, скитания по Европе, унижительная нищета. И жестокая ностальгия. Вспоминал ли поэт там, на чужой земле, где неумолимо истончался его искрометный талант, небольшой приморский город с чеховским прошлым?

Смерть настигла К. Бальмонта близ Парижа, куда занесла нелегкая судьба эмигрантаскитальца. Он ушел во тьму, но его книги вышли в свет. Сегодня поэт воспринимается таким, каким представлял его М. Волошин: «Бальмонта нельзя сравнивать. Он весь – исключение. Он - «зареве зорь».

М. Волошин. Это имя непосредственно связано с нашим городом. Потому как родился в Киеве (16 мая 1877 г.), но «заревое» детство оставило памятный след на таганрогской земле. Позже в своей автобиографии поэт пишет: «Ранние впечатления: Таганрог, Севастополь», их начало от 23 февраля 1878 года, - когда будущему поэту и

художнику не исполнилось и года, а отца, Александра Максимовича Кириенко-Волошина, назначили членом таганрогского окружного суда. Однако приезд на новое место жительства оказался недолгим: летом 1879 года супруги расстались, и Елена Оттобальдовна с малолетним сыном переехала в Севастополь. О своей родословной М. Волошин знал немного, но ее ключевые моменты прошли через поколения и закрепились в его «баснословной» памяти, в «генеалогическом древе» которой переплелись не только корни отцовские - запорожских казаков, но и материнские - немецкие, греческие, итальянские. История сохранила несколько скупых легенд о его предках. Но одна из них - о том, как казак Волошин «водил» А. Пушкина к цыганам слушать «дивное пение», была особенно оригинальной.

Прошло немногим более двух лет с момента семейного разрыва, как 9 октября 1881 года Александр Максимович скончался. Его внезапная смерть вызвала необходимость приезда супруги и сына в покинутый когда-то приморский город. Их пребывание в нем на этот раз, в силу ряда обстоятельств, продлилось до конца печального года. По некоторым проверенным данным, «не ранее декабря они уезжают в Москву». Со временем могила отца затерялась; революции, гражданская война и вовсе стерли ее неухоженный скорбный след. Во всяком случае, М. Волошин нигде в своих воспоминаниях не упоминает об отце или своем позднем посещении его могилы. (Впрочем, архив поэта до сих пор исследован недостаточно основательно). Позже в его жизни будет много адресов места жительства: Москва, города Европы, Париж с личной просторной художественной мастерской... Но сердце неизменно будет привязано к экзотическому южному Крыму - солнечному Коктебелю, в котором в начале минувшего века он построит оригинальный особняк, гостеприимно раскрывающий двери многим творческим личностям, а в период кровавых распрей - спасающий и примиряющий.

И все-таки есть эпизод в жизни этого необыкновенного человека, который позволяет нам почти со всей уверенностью предположить еще об одном посещении им таганрогской земли.

Июнь 1919 года. В Крыму, занятом Белой Армией, арестован, будто бы за какую-то связь с отступившими красными, товарищ поэта - уже немолодой генерал Н.А. Маркс. И кто, как ни М. Волошин, провозгласивший целью своей жизни: «И я один стою меж них / В ревущем пламени и дыме, / И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других», бросается бесстрашно и со всею решительностью, рискуя многим, на помощь личности, которой грозит неминуемая гибель. Спасая Н.А. Маркса, он вместе с арестованным и сопровождающим его конвоем едет к месту назначения - в Екатеринодар, чтобы лично обратиться с ходатайством к Главнокомандующему. Но Деникина на Кубани нет: он в это время на Дону, и поэт отправляется в Ростов. В нем проведет он около четырех дней, и в один из них, сидя на скамье городского сада, будет дописывать крамольную поэму «Протопоп Аввакум». Судя по некоторым сведениям, в это время часть Добровольческой армии, в которой находился Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой, располагалась между Ростовом и Таганрогом. С сестрами Цветаевыми и с Сергеем поэта связывала давняя дружба. Известие о революции Марина встретила в Коктебеле в доме Волошина, где Маркс, ориентируя ее на скорейший переезд семьи в относительно спокойный Крым, с очевидностью вероятного предрек дальнейший ход трагических событий («А теперь спешите, Марина, пока не поделили Россию... теперь будет террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея, озверение, потеря лица, раскрепощенные духи стихий, кровь, кровь, кровь...»); по ее просьбе, он, у которого были немалые личные связи, содействовал определению Эфрона в Добровольческую армию. (Прорываясь на Дон сложными путями к Корнилову, Сергей по дороге расстреляет чекиста - чего не простят ему после возвращения из эмиграции в период ареста). В результате, находясь в нескольких десятках километров от него, едва ли поэт не воспользовался возможностью неожиданно от крившейся встречи. А там до Таганрога - «рукою подать». Пройдет еще несколько месяцев и М. Волошин под впечатлением пребывания на Донской земле напишет объемное стихотворение «Дикое поле», в котором рядом с «темной Киммерийской степью» создаст

образ широкой казацкой вольницы Приазовья и Дона с их легендарными героями: удалым Стенькой Разиным и грозным покорителем Сибири Ермаком Тимофеевичем. Но прошлое в нем страстно глядится в настоящее - потому как пред многострадальной Россией, как и в былые «года роковые», «разверзаются снова пучины Неизжитых тобою страстей». В итоге бескрайность российских просторов, безграничная «вольная ширь» становятся тем «инструментарием» национального характера, который исконно заложен в нем, как вечное «бродильное начало»:

Эх, не выпить до дна нашей воли,

Не связать нас в единую цепь.

Широко наше Дикое Поле

Глубока наша скифская степь.

А Н.А. Маркса М. Волошин спасет. Личным распоряжением Деникина генерал будет освобожден, а в 1920 году даже избран ректором Кубанского университета. Но в 21-ом году скончается, не выдержав жестоких ударов кровопролитного времени.

Удивительный это был человек, поэт и художник, Максимилиан Волошин - натура широкая, бесстрашная, благородная, глубоких гуманистических устремлений. Судьба распорядилась так, что он оказался, вольно или невольно, связанным с целым рядом творческих деятелей его малой родины - Таганрогом. Среди них - актриса Фаина Раневская, поэты: Ада Чумаченко и Софья Парнок, ее младшая сестра, детский писатель, Елизавета Тараховская, брат, актер и переводчик, Валентин Парнок. Они - желанные гости его гостеприимного дома в Коктебеле, встречи происходят и на других «территориях». Но особое расположение М. Волошин испытывает к Софье Парнок, ее «хрустально дивным стихам», чей «узор» «расцвечен так пестро», а «своенравный ритм» так силен, что вызывает мгновенное представление об искрометном экзотическом танце - «испанском болеро». Ее имя довольно часто всплывает в его критических и мемуарных публикациях. На вопрос анкеты: «Какую бы книгу вы взяли с собой на необитаемый остров?» - без колебаний ответил: «Стихи Софьи Парнок».

Но что же такое ее поэзия? Что в ней оригинального и какова «степень» известности сегодня? Нет, не знает наш читатель, за редким исключением, стихов С. Парнок. Между тем как ее современники нередко ставили их в один ряд с поэтическими творениям А. Ахматовой и М. Цветаевой. Их оценки, пожалуй, самые объективные и важные для нас, ведь это оценки незаурядных «мастеров», а они, как правило, не дают «сбоев». Вот одна из них - воспоминание Л. Горнунга, блестящего исследователя творчества Н. Гумилева: «Прочел Ахматовой стихи Парнок, уже скончавшейся. Стихи произвели на нее большое впечатление, и она сказала: «Как мы богаты, если у нас есть еще такие стихи». Не только стихи, но и сам облик С. Парнок глубоко взволновал М. Цветаеву. В своей поэзии она запечатлела каждую его деталь, мельчайший нюанс «ножевой», «осложненной души»: и «вечный загар сквозь блонды», в котором таинственно «сквозит полуночный Лондон», и «крылатый воротник» вязаной черной куртки, и даже запах «Белой розы», модных французских духов того времени. И как обобщение, образец высшего «пилотажа»: «Всех героинь шекспировских трагедий я вижу в вас». Это ей М. Цветаева посвятила лирический цикл «Подруга» (1914), в который вошло стихотворение, ныне широко известное: «Под маской плюшевого плена».

С. Парнок. Она родилась в Таганроге 11 августа 1885 года. В этом городе закончила женскую гимназию. Интеллектуальная и демократическая атмосфера дома (отец - аптекарь, мать - врач), несомненно, способствовала развитию творческих способностей. В 1904 году С. Парнок уже в Женеве, посещает занятия в консерватории, готовя себе тернистый путь профессионального музыканта. Однако, спустя немногим более года, она оставляет Женеву, приезжает в Москву, где со всей увлеченностью изучает «сухие законы» юриспруденции. Ее окружение было уверено, что столь резким поворотом в жизни она обязана знакомству с известным юристом В.М. Волькенштенем, соединив с ним в 1907 году свою еще не испытанную раннюю судьбу. Этот год для нее станет переломным и в «духовном» отношении: из иудейского вероисповедания она перейдет в православие. Брак с

Волькенштенем вскоре распадется, но уроки музыки, «законы» веры останутся с ней навсегда, отозвавшись в ее поэтических творениях.

Стихи писать Софья Парнок начала рано. Но первую книгу «Стихотворения» издала только в 1916 году. В них поражают, прежде всего, необыкновенная музыкальность, полифонизм звучания, точность ритмического такта и, конечно, какая-то особенно располагающая исповедальность души. В таком контексте светлая мажорность сменялась почти благостной умиротворенностью («Птичьему посвисту Внемлет душа. Так бы я по свету тихо прошла»), самозабвенная мечтательность - ликующей экзальтацией («К чему узор расцветивать пестро? Нет упоения сильней, чем в ритме. Два такта перед бурным болеро. Пускай оркестр гремучий повторит мне»). Однако, в результате, как самозабвенная мечтательность, так и торжество радостей жизни с началом Мировой войны, обернувшейся революциями и гражданской катастрофой, сменились жестокими ударами испепеляющей судьбы. Былая прочность становилась зловещей тенью, ускользящими миражами; все распадалось, теряло свои привычные очертания: «Как будто кто-то равнодушный / С вещей и лиц солек покров - / И тьма, как будто тень от света, и свет как будто отблеск тьмы. / Да был ли день? И ночь ли это? Не сон ли чей-то смутный мы?» В 1922 году она опубликует сборник стихов «Розы Пиерии», немногим позже в частных издательствах две лирические книги: «Музыка» и «Вполголоса» - все они исключали политические мотивы, ориентируя на ведущие темы ее поэзии - «художественное творчество», «раскрепощенность» человеческого духа. Эта особенность мастерства в период идеологических обострений заставила и вовсе умолкнуть поэта.

О С. Парнок можно говорить много: о ее чувствах «на излом», сродни которым «котлы кипящих бездн» и «магия молчанья», о ее непоколебимой вере в духовные ценности в эпоху катастрофических взрывов, когда торжествуют звериные разрушительные инстинкты («Мы все пройдем, но устоят Кремль, / И по церквам не отзвучит прокимен, / И также будет пламенен и дымен / закат золотоперистый вдаль»). Можно говорить о том, как в начале 20-х годов она вынуждена была остаться в охваченном огнем и голодом Крыму, и М. Цветаева шла в Кремль выбивать для нее и голодающих писателей Киммерии «какую-нибудь помощь». О ее письмах к Вл. Ходасевичу в Париж, исполненных чувствами безысходной скорби и жалоб на безалаберность службы в советских учреждениях, о ее отношениях с М. Волошиным, о том, какие прекрасные трагические стихи написала она, предчувствуя приближение смерти:

Будем счастливы во что бы то ни стало...

Да, мой друг, мне счастье стало в жизнь.

Вот уже смертельная усталость

И глаза и душу мне смежит.

Вот уж не бунтуя, не противясь,

Слышу я, как сердце бьет отбой.

Я слабею, и слабеет привязь,

Крепко нас вязавшая с тобой.

Вот уж вечер вольно веет ветер, выше

Все в цвету и тихо все вокруг.

До свиданья, друг мой! Ты не слышишь?

Я с тобой прощаюсь, дальний друг.

Об этих стихах А. Ахматова заметила: «Как это страшно! Почти как у Есенина».

Она скончалась 26 августа 1933 года недалеко от Москвы, в с. Карийское. Но только через несколько дней страна узнала о ее смерти, и газета «Известия» 30 августа опубликовала краткий стереотипный некролог. В новой России о ней не вспоминали, забыли и в родном городе, куда неоднократно приезжала она и в 20-е годы: ни в юбилейный год - столетия со дня рождения, ни в скорбный -60-летия со времени ухода. Заговорили на Западе, на американском континенте. Вернулась С. Парнок в русскую литературу благодаря С. Поляковой, издавшей в конце 70-х годов в США, в штате Мичиган, 261 стихотворение поэта,

с объемной вступительной статьей, в которой представила ее «русской Сафо» нового апокалипсического времени.

У М. Волошина есть предельно трагические стихи: «Темен жребий русского поэта / Неисповедимый рок ведет / Пушкина - под дуло пистолета. / Достоевского - на эшафот. / Может быть, и я такой же выну - / Горькая детоубийца, Русь, / Но своей Голгофы не покину. / От своих оков не отрекусь...». Они посвящены гибели А. Блока и Н. Гумилева. Между тем в них отражена и общая судьба истинного русского художника на изломе катастрофических эпох. Имена К. Бальмонта, С. Парнок и самого М. Волошина в них - не исключение. Но в начале XXI века, этого олицетворения «высокой технизации», стирающей основы личности и прежние духовные номиналы, хочется так верить, что «не зарастет народная тропа» ко всему истинно ценному в российской культуре, потому как в ней сакраментальный источник света и здоровья нации.

ЦГТБ имени А. П. Чехова